

Присаживайтесь, поговорим, куда идти театру



Олег ЕФРЕМОВ:

Такие люди собрались... Что получится из всего — неизвестно... «Славянский базар» сгорел. Художественный театр открывался не в этом зале. Но из подлинного есть мебель: на сцене решили поставить стол и два кресла из кабинета Немировича-Данченко. Так что, кто хочет исповедоваться, сидя в них, — пожалуйста.

Сто лет назад основатели Художественного встретились, зная не очень хорошо друг друга, но очень хорошо — состояние театра. И, разобрав современный им театр по косточкам, думали, как создать новый. Наш «славянский базар» предполагает нечто подобное.

Юрий ЛЮБИМОВ:

За границей я понял суровую вещь: мы отучились работать. Английские актеры могут репетировать по десять часов перед премьерой, мы — не можем. (С актерских мест — ропот.) Ну я же вижу, как выдыхаются наши артисты... Хватит глупого романтизма. Я бы начал с пересмотра школ театрального искусства. Нужно артистов готовить, как раньше в императорских театрах, — с шести лет и потом их ориентировать на балет, оперу, в этих, кто куда не подходит, — в драму... Смотрел я три выпускных курса — не нашел индивидуальностей. Что-то еще прослеживается, когда работают самостоятельно, а не с педагогами.

Алла ДЕМИДОВА:



Образ во мне, образ вне меня...

Когда раньше на Таганке я не видела своей фамилии в списке распределения ролей, я плакала. Но, когда ролей накопилось много, поняла — это ловушка. И через два сезона старалась спихнуть роль дублеру, чтобы освободить «силы для новой работы».

Театр — это может быть здание, временное понятие, отдельный режиссер, актер. Сейчас, мне представляется, театр — это прежде всего спектакль, хороший или плохой, и не важно, где он играется. Я недавно получила колоссальное удовольствие на спектакле японского театра Но — XV век в чистом виде. А почему в Малом театре мы не можем видеть хотя бы XIX века — времени Островского, и почему МХАТ не сохранил нам спектаклей Станиславского и Немировича-Данченко? (Реплики из зала: почему не сохранил — сохранил!) Да, сохранение традиций, гениальных рисунков ролей — вещи очевидные. Но, с другой стороны, традиция — это враг нового искусства. Сохранить гениальный рисунок роли невозможно, как невозможно повторить гениальную жизнь.

Деклан ДОННЕЛАН (режиссер, Великобритания):

Я люблю приезжать в Россию. Здесь понимают, что театр — это прежде всего актерское искусство. Но не хочется думать, что мы только дети, которые любят показывать.

Можно, конечно, почитать Станиславского, как Святого Павла, но я всегда держу два образа. Один, который говорит, что нужно придерживаться определенных правил, и другой, утверждающий, что эти правила нужно ломать. Поэтому я всегда предупреждаю актеров: то, что я вам объяс-

няю, совсем необязательно правда, но вам это может быть полезно.

Сергей ЮРСКИЙ:

Время сейчас — 15.52. По моим подсчетам, Станиславский и Немирович-Данченко уже покончили с закусками. Принесли суп. Главное приближалось, но не началось...

Два великих человека сформулировали проект идеального театра; услышали, поняли и согласились друг с другом — явление уникальное, потому что за прошедшие сто лет ничего подобного не повторялось. В том числе и с ними. Они попытались переделить законы театрального творчества.

О супе, сути, красках и тоске



Ангелина Степанова: Станиславский и Немирович-Данченко были для нас неделимы

Думали, что они будут действовать как законы природы. Но XX век оказался веком беззакония. Мы присутствуем при завершении века режиссерского своеволия, своеволия хозяина, а не лидера, руководителя. Он — режиссер — у нас единственный художник, а актеры — краски, которые он более или менее удачно выдает на холст. (Смех в зале.) Актеры привыкли и стали получать удовольствие от изживенчества. Бывают и спектакли, в которых не ступала нога режиссера — того, кто сидит в темноте и говорит в микрофон: я не умею играть, но я умею творить, не мешайте мне... (Хохот.) Бывает, актер вырывается в звезды — это куда легче, чем сыграть одну роль хорошо. Ворвавшись в круг звезд, он остается тюбиком краски, но этот тюбик уже стоит дорого и имеет право капризничать, тем самым причиняя массу мелких неудобств, в том числе режиссеру. Это — маленькая месть хозяину.

Я не могу удержаться — я посижу чуть-чуть. (Далее — из кресла Немировича-Данченко.) Константин Сергеевич и Владимир Иванович! Ваш МХТ стоит на своем месте. Почти каждый известный актер обязавший собственным театром или театром своего имени. Но ваши имена не забыты... Вы для нас святы, и мы считаем себя от вас — все, что собрался в зале. (Овация.)

Ангелина СТЕПАНОВА:

Я ушла из театра — у меня нет сил делать что-то новое, а старое мне неинтересно. Тогда мы были так молоды и так беспечны, что ничего не запоминали и не

Сергей Юрский: Мирных травоядных в театре не видно... Там — одни хищники



Юрий Любимов: Ну разве я враг актерам?

Вет. Москва, 1997, 26 июня, с. 12

22 июня 1897 года в 2 часа дня в ресторане «Славянский базар» встретились Станиславский и Немирович-Данченко. Легендарный разговор шел 18 часов и завершился в 8 часов утра в Любимовке — имени Станиславского. Аккурат сто лет спустя во МХАТе им. Чехова собрались их последователи и продолжатели со всего мира, чтобы отметить международную конференцией не грядущий юбилей МХАТа имени Чехова или Горького, — дату создания Московского Художественного Общедоступного театра. Право, такое можно увидеть раз в сто лет, когда предельно откровенно, торопясь уложиться в отведенные десять минут, звезды мировой величины выкладывали — перед своими же — наболевшее. Отари Мегнетухуцеси едва сдерживал желание опуститься на колени и начать целовать подмостки МХАТа, один из лучших, если не самый лучший педагог — Петр Фоменко — публично признался, что давно преподает то, чему научить нельзя, а Олег Табаков рассказал о конфликте «честолюбивого мальчика из Саратова» и внутреннем конфликте с театральными лидерами, заставившем его взяться за Школу-студию МХАТ. Были и очередной бенефис юмора (черного?) Сергея Юрского, и речь Ангелины Степановой, лучше всяких многотомников раскрывшая, что есть такое истинный театр переживания... Газетной полосой не хватило бы, чтобы только перечислить имена всех собравшихся. Поэтому здесь — лишь небольшие выдержки из большого разговора — сто лет спустя...

записывали — казалось, что они будут вечно. К сожалению, многое временем стирается... Запомнила, что на фронте театра должны быть два слова: смех и слезы, то есть создавался театр чувств, эмоций. Они учили, что эмоциональное состояние актера должно рождаться мыслью — авторской, которую актер сначала делает своей, а потом заветной. Важны при этом слова Немировича-Данченко режиссерам — «умереть в актере», то есть направлять эмоциональное и физическое состояние актера так незаметно, чтобы все идеи он счел своими...

Анатолий ВАСИЛЬЕВ:

Путь режиссера и актера — всегда путь жертв. Это есть истина завета, оставленного великими противоположностями. Чтобы ансамбль сохранился, нравственность труппы должна быть выше нравственности режиссера, но когда они встречаются один на один, то нравственность режиссера должна быть выше нравственности одного актера... Каждый раз тоскую по русской театральной семье, но возвращаться в нее мне не хочется.

Лев ДОДИН:

Знакомый я иногда встречался с такими театрами, для которых как будто никакого Станиславского и Немировича-Данченко не было. Попытка полчасика посидеть и поговорить о смысле спектакля вызывает удивление — там как-то не ловко слышать о роли другого. Тогда-то я и ощутил мощь открытия, которое совершили эти два человека. Изобрести понятие кол-

лективного художника — как открыть закон тяготения. Почему это застолье не кончилось, как обычно кончается в России, безобразием или пустопорожними разговорами? Что, кроме таланта, заставило их сделать открытие в «Славянском базаре»? Я считаю, идеализм. Вот сочетание трезвости и идеализма и было тем могучим соединением, которое родил XIX век, которое XX век разрушил... Сюда меня привела тоска по всему несостоявшемуся.

Петр ФОМЕНКО:

Нам стоит относиться ко всему немногого легче, не столь глубоко мысленно. Хочется легкого дыхания... Связь времен мне не удалось ощутить, а сейчас волею судеб я стал преподавать — сам не знаю что, потому что режиссуре нельзя научить... Как же трудно, наверное, им было приходиться в театр и стараться не встретить человека, с которым связывает жизнь. Но театр был выше амбиций. Речь не о трагедии Станиславского в нашем XX веке — о тех молодых, которые придут. Были, конечно, и люди, великолепно выплывавшие на системе Станиславского. Но театр сберег лучшее, пережив раскол. Может, это способствовало обновлению частей, на которые он раскололся, но все равно это трагично... В театре очень много загодов, которые не надо разгадывать. Просто дорожить ими нужно.

Публикация Ирины КОРНЕЕВОЙ
Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА
Концерт «ВМ»